

Сергей Князев
ИНТЕРВЬЮ
ОБ ИНТЕРВЬЮ

Беседы
об
особенностях
жанра
с его
мастерами

Сергей Иванович Князев
Интервью об интервью.
Беседы об особенностях
жанра с его мастерами

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69015757
Интервью об интервью. Беседы об особенностях жанра с его мастерами: Издательство «Реноме»; Санкт-Петербург; 2023*

Аннотация

Книгу составили беседы с известными отечественными журналистами об особенностях жанра интервью.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вместо предисловия	5
Илья Азар	7
Владислав Бачуров	12
Дмитрий Быков	23
Алексей Венедиктов	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Князев
Интервью об интервью.
Беседы об особенностях
жанра с его мастерами

© С. Князев, текст, 2023

© П. П. Лосев, обложка, 2023

* * *

Вместо предисловия

В 2013–2016 годах мне довелось (так уж карта легла) взять интервью у многих отечественных интервьюеров, которые, как мне показалось, не без охоты и удовольствия делились, что называется, тайнами профессии и секретами мастерства. Среди тех, кто согласился побеседовать со мной об этом (и о многом другом), как собственно мэтры-журналисты, так и те, кто знаком нам по большей части как прозаики (Татьяна Москвина, Захар Прилепин, Татьяна Толстая), также, впрочем, отдавшие дань и жанру интервью. В числе профессионалов, с которыми мне посчастливилось побеседовать, и персоны, чьи имена на слуху у всех, и те, чья известность скорее камерная, но знакомством с ними я также чрезвычайно дорожу.

Нельзя, разумеется, сказать, что сама собою сложившаяся книга «Интервью про интервью» – универсальный и даже репрезентативный учебник журналистики: с некоторыми выдающимися профессионалами и звездами медиа поговорить так и не случилось. Кроме того, беседы, собранные здесь, относятся уже к довольно давним годам. Понятно, что многие из тех, кто рассуждает, каким должно и не должно быть интервью, сегодня говорили бы об этом по-другому, но что сказано, то сказано, а делать апгрейд даже сугубо прикладного текста можно бесконечно. В конце концов «Интервью про

интервью» – это не просто неформальное и, надеюсь, небесполезное «учебное пособие» для журналистов, но и книжка для чтения.

Тексты эти ранее печатались на сайте www.lenizdat.ru и в газетах «Деловой Петербург», «Мой район», «Невское время», «Вечерний Петербург» – кроме интервью Захара Прилепина, которое предполагалось к выходу в «Лениздате», но не вышло. Здесь оно печатается впервые. Сердечно благодарю редакторов этих изданий и, разумеется, моих собеседников, чьи интервью составили сборник.

Отдельно хотелось бы поблагодарить Дмитрия Губина – за давнюю поддержку этой затеи и неизменно доброе отношение.

Сергей Князев, август 2022 г.

Илья Азар

Самое сложное в интервью – договориться о нём

Илья Вильямович Азар родился в 1984 г. в Москве. В 2006 г. окончил факультет политологии ВШЭ. Работал в «Советском спорте», «РС Игры», «Total Football», «Газета. Ru.», «Русском репортёре», «Лента. Ру», Meduza и других СМИ. Признан журналистом года – 2014 по версии журнала GQ. Признан Минюстом России иностранным агентом.

– Вы уже привыкли к тому, что вас считают лучшим интервьюером страны?

– И это, и то, что GQ мне выдал премию как журналисту года в России, меня по-прежнему смущает. И то, что вы обращаетесь ко мне как эксперту по вопросу «Как брать интервью», – всё это несколько странно. Никакой специальной теории на эту тему у меня нет. Интервью сделать проще, чем большую статью или очерк, а кликают его чаще. Самое сложное в интервью – это договориться о нём, если ваш собеседник не Венедиктов или Немцов. Суть интервью – задать все нужные вопросы и не терять нить разговора. Ничего тут сложного нет.

– Должен ли интервьюер провоцировать своего собесед-

ника?

– Я скажу ужасную банальность: главное, чего не должен делать интервьюер, – это выставлять на первый план себя. Когда, скажем, вопрос длиннее ответа. Ещё бывает, задавая вопрос, истории какие-то начинают вспоминать – вот этого быть точно не должно. Что касается провокации, то если я иду к Навальному, то я задаю ему вопросы как нацист или человек, которому не нравятся его националистические взгляды. Если иду к представителю «Единой России» – то буду задавать вопросы как либерал, с элементами демшизы даже. (Хотя, видимо, это бесполезно, потому что единороссы неспособны говорить что-то самостоятельно, у них один текст на всех, и Милонов или депутат Государственной Думы Евгений Фёдоров – исключения.) И тогда собеседники заводятся, начинают горячиться. Если это провокация, то так провоцировать можно.

– *Что делать, если ваш собеседник врёт?*

– Дать ему высказаться. Если сразу можете возразить, скажите: вот же есть цифры, факты, которые сказанное вами опровергают. Если нет – ничего страшного.

Люди не идиоты, разберутся. Однажды вышло мое интервью с Арамом Габреляновым, и меня атаковали потом: дескать, он говорил прямую неправду, а ты его не поправил, не остановил. Но я же не могу приходить на разговор с распечатками и горой справочников. К тому же никто не мешает вам дать при публикации сноску о том, как обстоят дела на

самом деле.

Конечно, это тоже не всегда уместно: получается, ты полемизируешь с человеком, который не может тебе возразить. Всякий раз всё решается индивидуально.

– Вы как-то сказали, что вам нравится брать интервью у мудаков...

– Ну, не у мудаков, а у людей, которые своими экстравагантными взглядами вызывают у многих раздражение и отторжение. Мне нравится брать интервью у людей, мне не близких по взглядам. С ними интереснее. С Сергеем Адамовичем Ковалёвым столкновения не произойдёт, это получится интервью обо всём хорошем. К тому же портретное интервью – не мой профиль, я стараюсь брать интервью по конкретному поводу на злобу дня. Очень жаль, что не поговорил в своё время с Валерией Новодворской. Для себя, без всякого информационного повода – хотел бы с Горбачёвым поговорить. Понятно, что он ничего нового не скажет, но мне бы хотелось в личной беседе понять мотивацию этого человека.

– Вы начинали как журналист в «Советском спорте», но ваших интервью со спортсменами я не видел. Вас не интересуют феномен спорта, спортсмены как собеседники?

– В «Советском спорте» это была студенческая подработка редактором на ленте новостей. У спортсменов брать интервью не очень интересно: «Мы сегодня выиграли, потому что сумели собраться». «Мы проиграли, но в следующий раз

постараемся победить» – всё довольно предсказуемо. Я брал для журнала «Секс в большом городе» по заказу Ксении Собчак интервью у Елены Исинбаевой. Она уходила от любого мало-мальски острого вопроса, даже про волгоградского губернатора отказывалась говорить, хотя до этого критиковала его: «Я говорю только о позитиве». Странное получилось интервью. В этом смысле Милонов гораздо более комфортный собеседник.

– Вы как-то сказали, что более всего вам хотелось бы сделать интервью с Путиным и Стрелковым. О чём бы вы их спросили?

– У Стрелкова интервью брать уже не хочу – тогда было ощущение, что он смертник, а сейчас он превратился в поп-персонажа – уже не интересно.

Че Гевара тоже со временем превратился в поп-персонажа, но он сначала хотя бы победил. К Путину у меня одного конкретного вопроса нет. Я задал ему вопрос на пресс-конференции про Болотное дело в 2012 году, спросил, как это возможно, что Евгения Васильева, которой предъявлен миллиардный ущерб, находится под домашним арестом, а полуслепой человек, ничего не укравший, – сидит в СИЗО. Путин ответил в том духе, что митинговать можно, но только не ментов бить. И на следующий день ещё одному человеку по «Болотке» было переквалифицировано обвинение в нападении на сотрудника правоохранительных органов. Может, своим вопросом я положение человека только усугубил. Ко-

нечно, мне хотелось бы поговорить с человеком, принимающим главные решения в стране в течение пятнадцати лет. Понятно, что моё интервью с Путиным, если и произойдёт, будет долгим, но, думаю, вряд ли это возможно, пока он у власти.

– *Самое неудачное интервью своё можете вспомнить?*

– Я всегда недоволен своими интервью. Когда текст готовишь к печати, всегда думаешь: а здесь надо было про это спросить, здесь добавить и т. д. Например, провальным было интервью с Маргаритой Симоньян. Она завела свою пластинку заученную и так и шпарила, как она умеет это делать. Она же привыкла постоянно отбиваться от нападков, находиться всё время в состоянии обороны. Дискутировать с нею было невозможно, и в итоге получилось, что я оказался подставкой для диктофона, чтобы она рассказала, как Russia Today прекрасна.

Владислав Бачуров

В интервью желание расположить к себе собеседника очень вредит

Владислав Юрьевич Бачуров родился в Ленинграде в 1965 г. Окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Работал главным редактором в газете Pulse, журнале Top manager, газете «Мой район» (Санкт-Петербург).

– *Насколько интересен вам жанр интервью?*

– Интервью сохраняет будущее журналистики, потому что все остальные жанры уже перестали быть исключительно в нашей профессиональной компетенции. Блогеры пишут рецензии, репортажи, колонки. Интервью – последний оплот профессиональной журналистики. Всегда интересно поговорить с умным человеком, и всегда интересно прочесть этот разговор. Интервью выгодно отличается комфортной для читателя формой. Вопрос, ответ, два абзаца – это же не «кирпичи». Если ответ очень длинный, можно его разбавить вопросом вроде «Неужели?», «А что было дальше?». Это довольно банальные вещи, но об этом мало кто задумывается. Сегодня интервью действительно последняя возможность журналисту проявить свой профессионализм.

– *Как расположить к себе собеседника?*

– Мне кажется, желание расположить к себе очень вредит, особенно молодым журналистам, которые боятся показать свою некомпетентность, что совершенно не страшно для журналиста: его задача – не выглядеть очень умным и задавать столь же умные вопросы, а вытащить из человека детали, подробности, и чтобы это ещё было интересно читателю. Молодые журналисты боятся задавать вспомогательные вопросы, боятся перебить и переспросить собеседника, если чего-то не понимают. Если мне интересен человек – я буду его спрашивать, переспрашивать... Что касается каких-то манипулятивных техник, то хорошим приёмом является – если вы, конечно, владеете материалом – поспорить. В споре человек возбуждается, более ярко и чётко формулирует свою позицию, в более отточенной и жёсткой манере высказывает своё мнение. В печати провокативный вопрос можно и смягчить, чтобы не раздражать читателя, а герой будет выглядеть более выпукло.

– Провокативный вопрос – что это значит?

– Человек может рассказывать: «В бизнесе мне часто помогают доброе слово и пистолет». Надо тут же уточнить: «Что вы имеете в виду?», «Как помогает вам пистолет и почему?». На всех занятиях по журналистике приводят пример: какой-то лауреат Ленинской премии по физике всех журналистов отшивал, ограничиваясь пресс-релизами, и тут Аграновский спросил его: «А почему вы атомы рисуете кружочками?» – «Удобно». – «Но точкой ещё удобнее». Человек

задумался, а потом Аграновского – единственного из журналистов – провёл по всему своему институту, всё показал и рассказал, потому что человек не постеснялся выглядеть смешным. Если журналист сам интересный собеседник, то и интервью получится хорошее.

– *Самое непредсказуемое интервью можете вспомнить?*

– У нас в «Пульсе» в последний момент слетело какое-то важное интервью (типа Умберто Эко перенёс визит), я позвонил Борису Гребенщикову: мол, спасай! Приехал, разговор был скучноватый, Борис обаятельно, но предсказуемо рассказывал про ангелов, которые ему напели, и про добро, которое нужно нести. Когда мы закончили, Гребенщиков любезно вызвался меня подвезти в машине до редакции, по дороге он говорил уже не под диктофон.

Мне кажется, что ему хотелось выговориться, он рассказывал действительно важные для него тогда вещи. Приехав в редакцию, я даже не стал расшифровывать запись интервью, а по памяти набрал этот разговор в машине, который и пошёл в печать.

– *Гребенщиков не возражал против публикации?*

– До того, как я стал главным редактором «Пульса», мы с моим другом Сергеем Черновым хотели написать книгу-интервью с Гребенщиковым: «Гребенщиков о религии», «Гребенщиков о любви» и т. д... Мы часто с ним общались, некая степень доверия была, я даже писал какие-то аннотации на дисках. Так что никаких претензий не было, наоборот, он

был очень доволен. Подобная ситуация, когда человек выходит из привычного образа, всегда очень продуктивна.

– *Самое неудачное своё интервью можете вспомнить?*

– Неудачные, проходные интервью быстро забываются. Одно, правда, очень хорошо помню. Не сказать что оно неудачное, но по последствиям самое неприятное. Я брал интервью у владельца «Энергомашкорпорации» Степанова, который сказал, что Потанин списал у него с реестра акции завода, потом два раза эти акции перепродали, выловили труп в Обводном канале, потом Потанин эти акции купил, и теперь он, видите ли, приобретатель добросовестный. Я Степанова спрашиваю про конкуренцию, он говорит: какая это конкуренция, вот с «Сименсом» – это конкуренция, а здесь – сплошное воровство. И снова: вот у меня украли два завода: «Электросилу» и Завод турбинных лопаток, Потанин украл. И т. д.

Я, когда готовил номер, вычеркнул труп в Обводном канале и послал на утверждение. Степанов подписал, номер вышел. Через некоторое время из Черёмушкинского суда города Москвы пришло заявление от Владимира Олеговича Потанина, который подаёт в суд на Александра Степанова и на Владислава Бачурова как главного редактора и как автора интервью иск о защите чести и достоинства. Я каждый месяц, как на работу, ездил в Москву на заседание суда. А судья, который должен выяснять, кто списал с реестра акции, какие акции, с какого реестра, как это делается, ничего в

этом не понимает, заседание суда переносится... За девять месяцев дело не продвинулось вообще. В конце концов ударили по рукам, они признали, что с судом погорячились, но и мы должны были опубликовать извинения Степанова и наши извинения за то, что это опубликовали.

Я возвращаюсь в Петербург, мне звонят юристы Потанина: «Послушайте, не надо никаких опровержений». Понятно, зачем лишний раз привлекать внимание – начнут копать, действительно ли там что-то списали, не списали...

– Вы работали главным редактором интеллектуального таблоида, спортивной газеты, журнала для топ-менеджеров, а сейчас возглавляете городской еженедельник. Беседа с деятелями культуры, бизнесменами, спортсменами – есть разница?

– Огромная. Самое приятное – брать интервью у деятелей культуры, потому что они к этому привыкли и говорят красивым языком, образно, рассказывают много смешных случаев, и рассказывают их не только как анекдот, а как историю, подтверждающую отношение к жизни, работе. Беда только, что они говорят одно и то же всегда и везде. Бизнесмены – народ довольно сложный. Начинаешь разговор, а они: отчётный период, текущие показатели, результаты, мы будем стремиться...

Но если бизнесмена разговорить, он расслабляется, начинает рассказывать, как в детстве спёр у родителей двадцать копеек, купил мороженое и перепродал одноклассни-

ку. Правда, когда присылаешь интервью на согласование, всё интересное он вычёркивает, а вписывает: «Мы в этом месяце открываем два магазина».

– *Тиньков так не говорит...*

– Тиньков – отдельный случай. Я недавно перечитал своё давнее интервью с Тиньковым, оно живое до сих пор. Мы спорили, новые бизнесы придумывали на ходу. Тиньков менял свою позицию несколько раз по ходу интервью, задумывался...

Например, я ему говорю: «Ты назвал пельмени именем дочки и продал, не стыдно?» Тот начинает рассказывать, что его учитель говорил: «Ты жалеешь, но продавай, продавай и жалеешь». «А вот пиво „Тиньков“ продашь? Будут туда ослиную мочу доливать, а ты же хотел премиум, не стыдно будет за фамилию?» Тиньков: «Фамилию придётся поменять». Он человек живой, и весь его бизнес на этом построен. На том, что он необычно себя вёл. Все его бренды были передутые, и образ его был одной из составляющих капитализации этих брендов. Ведь всё, что он продавал, теряло стоимость после того, как лишалось имени Тинькова.

Когда мы начинали «Топ-менеджер», в каждом номере было по несколько интервью. Бывали номера, состоящие почти полностью из интервью. Помню одно из первых интервью в «Топ-менеджере» было с Виталием Савельевым, который сейчас президент «Аэрофлота», а тогда он был главой банка «Менатеп». Мы говорили часа два, и вышло интервью

тысяч на шестьдесят знаков. Оно было обо всём: о том, как его жена рожала в Финляндии и как ему в дорогом ресторане принесли суп из пакетика, про бюджет США, про ставки рефинансирования. Очевидно, что у человека была потребность высказаться.

– *У спортсменов есть такая потребность?*

– Спортсмены находятся в центре внимания, привыкли к этому и ненавидят журналистов, потому что те могут задавать неприятные вопросы. Эти неприятные вопросы настолько юных «митрофанушек» сбивают с толку, что они всячески сопротивляются любому общению. Есть исключения – Роман Широков, например, но их мало. Я помню, когда президентом «Зенита» был Сергей Фурсенко, он любил общаться с журналистами и частенько приглашал их на обеды и ужины, расспрашивал, сам что-то рассказывал, какие-то инсайды сообщал.

И как-то на одной из таких встреч Геннадий Сергеевич Орлов говорит: «Сергей Александрович, может, в контракт вписать, чтобы футболисты давали интервью? У вас же ни один игрок с прессой не общается».

Денисов категорически отказывался давать интервью, Аршавин общался только через своего пресс-атташе, Кержаков не давал интервью. Ни один футболист не шёл на контакт с прессой. Кто-то на что-то обиделся, кому-то нечего сказать...

Абсолютно иная ситуация, кстати, в теннисе: теннис зато-

чен на спонсорские рекламные деньги. Там индивидуальные контракты, в том числе на участие в соревнованиях. В контракте на участие в «Ролан Гаррос» прописано, что каждый теннисист должен, если его попросят, общаться с прессой. У нас в газете «Спорт день за днём» никогда не было проблем с интервью с самыми великими теннисистами. Можно было написать письмо Питу Сампрасу (его пресс-секретарю) и получить интервью по скайпу, по телефону, а на соревнованиях у каждого аккредитованного журналиста есть право на интервью с Сиреной Вильямс, Марией Шараповой, да с кем угодно. Потому что организаторы и рекламодатели понимают, что имидж спортсмена – это деньги и популярность.

Теннисисты тоже говорят, как роботы: «Я сегодня показал хороший теннис», «Я сегодня не показал хороший теннис», но, по крайней мере, они приветливы и доброжелательны в отличие от футболистов. Впрочем, среди футболистов тоже есть понимающие люди, просто их мало. Вот, например, однажды нашего корреспондента вытошнило на Анатолия Тимощука. В прямом, физиологическом смысле. В следующий раз другой корреспондент нашего издания обратился к Тимощуку с просьбой об интервью. Тот усмехнулся: «Ну если вас на меня опять тошнить не будет, то давайте!»

– Вам тяжело общаться с людьми, чьи взгляды вам не близки?

– Даже к тем, кто мне не близок, во время интервью я чувствую симпатию: они тратят на меня своё время, спорят

со мной, отвечают. Это, может быть, не очень хорошо с журналистской точки зрения, но я никогда не стремлюсь подловить их, выставить глупее... Вот очень хороший с точки зрения профессионализма журналист Илья Азар любит спровоцировать человека, чтобы человек оговорился, где-то оплошал, чтобы его можно было на чём-то поймать. Это важное умение, но мне почему-то даже с людьми, с которыми сильно не согласен, не хочется идти на обострение. Всегда почему-то после окончания интервью мне человек даже симпатичен становится, даже если он Филипп Киркоров, условно говоря. При всей надутости и прочих вещах, когда ты его понял, всё равно он тебе становится как-то ближе, милее.

– *Как вы, будучи редактором издания, реагируете, если журналист приносит вам совершенно не то интервью, которое вы от него ожидали?*

– По-разному. Бывает, что просто ломается структура номера, когда ньюсмейкер в интервью не сказал ничего и мы понимаем, что читатель ничего не узнает нового из этого. Рецептов нет, есть ситуации. Если это идёт в ближайший номер, звони, задай вопрос, добивай. Если можно от этого материала избавиться, то в корзину. Это всегда неприятно, человек потратил время. Журналист наказан тем, что не поставлен его материал. А собеседник не виноват. Не поставишь его интервью, и человек обижается.

Бывает и по-другому. Вот у нас в газете «Мой район» юная практикантка пошла брать интервью у Алексея Дуна-

евского про фильм о Джобсе. Его российская премьера была на Петербургском кинофестивале, Дунаевский был руководителем фестивальной отборочной комиссии. Закончилось интервью тем, что девочка начала спрашивать: «А что такое свобода, по-вашему? А вы сами чувствуете свободу? Чем вы готовы пожертвовать ради свободы?» И это, конечно, было удачей: заинтересованный человек, не имея навыков, опыта интервьюирования, сделал живое интересное интервью.

Из последних удачных интервью, не мной сделанных, а мной, как редактором, спровоцированных, – интервью с Прилепиным, которое брала Елена Барковская для «Моего района». Мы составили круг вопросов, а интервью вышло из этого круга. Например, Прилепин рассказывает, как чуть не сел. На митинге запрещённом он ходил с мегафоном, потом решил взять свою сумку, которую где-то бросил, и передал на минуту подержать мегафон другому участнику митинга. Этого парня схватили как главного, потому что он с мегафоном, и дали три года. И Лена спрашивает: «А когда узнали, что ему дали три года, что почувствовали?» Прилепин отвечает: «Ничего не почувствовал. Потому что люди садились в тюрьмы, многие после этого возвращались, может быть, с ощущением другого статуса. Такое количество людей отсидело в тюрьме, что героев девать было некуда. И чтобы у людей не сносило крышу от собственного героизма, у них в партии была установка: сидел и сидел – это нормально.

Взял листовки, пошёл клеить – как все остальные. Это

интервью мне рассказало о Прилепине больше, чем вся его книга «Санька»...

Дмитрий Быков

Интервью – дело молодых

Дмитрий Львович Быков родился в 1967 г. в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ. Работал на радио и телевидении. Лауреат множества литературных премий, полученных за романы «Оправдание», «Эвакуатор», «Орфография», «Остромов, или Ученик чародея» и проч., биографий Б. Пастернака, Б. Окуджавы, М. Горького, В. Маяковского. Преподаёт в московских школах и американских университетах. Признан Минюстом России иностранным агентом.

– *Интервью – ваш жанр?*

– Я очень не люблю интервью. Мне всегда неловко отрывать человека от дел, договариваться, потом записывать (я всегда работаю без диктофона, потому что он сковывает собеседника, а прятать его мне не позволяет профессиональная этика), потом визировать, постоянно подгоняя (потому что текст нужен в номер, а у собеседника нет времени уточнять формулировки), потом вносить эту правку, потом иногда ещё показывать окончательный вариант... Интервью – дело молодых, у меня почти всегда есть собственные ответы, трудно не навязать их собеседнику, не подтолкнуть его к той формулировке, которая понравилась бы мне... Трудно

не подменить собеседника собой. Но поскольку другие жанры более или менее вымерли, интервью остаётся для меня чуть ли не единственной площадкой. У меня есть внутреннее ограничение: я надеюсь после пятидесяти лет интервью уже не брать. Но сначала надо дожить до пятидесяти.

– *Используете ли вы какие-то манипулятивные техники, чтобы расположить к себе собеседника, заставить его «проговориться» о каких-то вещах, о которых он говорить не желает?*

– Если использую, то бессознательно. У меня есть чёткое правило: не создавать собеседнику дискомфорт. О чём хочет – пусть говорит. О чём не хочет – не надо, но пусть, по крайней мере, объяснит, почему он этого не хочет. Я вообще за максимальную открытость.

– *Каким было ваше самое неудачное интервью?*

– Понятия не имею. Подставляться, чтобы ещё и себя ругать? Пусть о моих неудачах говорят другие. Удачи – это интервью с Ходорковским, Айтматовым, Гребенщиковым, Акиньишиной, Окуджавой.

– *Часто ли бывало так, что вы как редактор издания получаете от сотрудника интервью с ньюсмейкером – но совершенно не то, которого ожидали?*

– Бывает. Я всегда с удовольствием такие тексты ставлю в номер. Чем собеседник неожиданней, чем он страннее выглядит, чем полнее раскрылся – тем лучше. Я вообще люблю, когда собеседник говорит или делает то, чего от него не

ждёшь. Играешь злого – ищи, где он добрый; расспрашиваешь глупого – ищи, где он умный. Шандыбина многие считали дураком, но о формировании нового советского класса – интеллигентного пролетариата – он говорил так, что нельзя было не восхищаться.

– Кто из собеседников произвёл на вас наибольшее впечатление?

– Дальше всех видел Борис Стругацкий, точнее всех угадывает тенденцию Гребенщиков, лучше всех формулирует Искандер, самые неожиданные трактовки и быстрые реакции у Жолковского, прямее и бесстрашнее всех мыслил Синявский (Марья Васильевна Розанова и сейчас как скажет что-нибудь – так ещё двадцать раз подумаешь, печатать ли). Акиньшина обладает исключительным чутьём, хотя формулирует трудно и окольно. Александр Мелихов – один из глубочайших мыслителей современности, и для меня всегда целебны встречи с ним. Валерий Попов говорит как пишет – «квантами истины» называли его формулировки Вайль и Генис. Гениально говорил – и писал – религиовед Леонид Мацих. Я пытался его расспросить о природе его собственного религиозного чувства, осторожничал, боялся подойти к теме напрямую... Среди всех этих экивоков он вдруг решительно сказал: «Если вас интересует ощущение присутствия Старика, то даже не сомневайтесь».

– В чём принципиальная разница в работе интервьюера на ТВ, радио, в печатных СМИ?

– На ТВ я работал мало, а на радио главное – чтобы диалог был живой. В этом смысле прекрасна бывает, скажем, клоунада Баширова. Но в печати клоунады не видно, там важны мысли, нестандартные ходы, интересные обобщения. Большой мастер этого дела – Константин Райкин, имеющий привычку думать вслух. То, что он говорил мне однажды об эволюции маленького человека от гоголевских типов к подпольным, «достоевским», – меня сначала взбесило, потом озадачило, а потом стало одной из любимых моих мыслей.

– Чего делать интервьюеру ни в коем случае не надо?

– Задавать заранее подготовленные вопросы. Это всегда видно. Подготовить можно первый, а дальше беседа должна выстраиваться сама. Плохо также являться неподготовленным. Впрочем, являться переподготовленным ещё хуже: людям, которые развиваются, причём быстро, – невыносим разговор об их прошлых достижениях. Это на моих глазах раздражало Юрского, Кончаловского – с ними надо говорить о том, что им интересно сейчас. Оба, кстати, кажутся мне людьми исключительного ума – ни один социолог, политолог, футуролог не способен сегодня смотреть так далеко.

– Для кого вы берёте интервью?

– В лучшем случае – для себя. Некоторые мои сомнения могут разрешить только профессионалы – в богословии это Кураев, в психологии Щеглов, в математике Матиясевич и т. д. О некоем обобщённом читателе я стараюсь не думать. Идеальным редактором интервью – умеющим наметить со-

беседника и не сокращающим главные куски в разговоре – я считаю Юрия Пилипенко, и не зря он возглавляет газету «Собеседник».

– Кого вы считаете лучшим интервьюером в истории журналистики?

– В истории журналистики, вероятно, Трумена Капоте, писавшего лучшие литературные портреты. Случайные, проходные реплики героев в его очерках говорят бесконечно много. Он вообще лучший писатель, когда-либо живший в Западном полушарии. Я никого не могу поставить рядом с ним – ни Фолкнера, ни Хемингуэя, ни Хеллера, хотя бесконечно люблю их всех. Сегодня лучше всех умеет разговаривать с людьми Дмитрий Муратов, но, увы, делает это лишь в случае крайней необходимости. На телевидении отлично работает Дмитрий Губин, которого я вообще во многих отношениях считаю учителем. Владимир Чернов был абсолютным мэтром – хотя в последние годы писал всё больше колонки. Я всегда любовался тем, как работает Маша Старожицкая (Киев). На «Эхе» – вероятно, Марина Королёва. Не люблю интервью Владимира Познера, ибо в них преобладает корректность. Не интересуюсь интервью Соловьёва, ибо в них преобладает непрофессиональная, идеологическая задача. Не интересуюсь «Школой злословия». Интересуюсь тем, что делает Собчак. Люблю Диброва, ибо ему, как всем самодостаточным людям, действительно интересны другие – он может себе позволить не заботиться о демон-

страции себя, о всякого рода доминировании и т. д. И конечно, я восхищаюсь тем, как раскалывает – и любит – собеседника Татьяна Москвина.

Алексей Венедиктов

Интервью с убийцей

мне неинтересно

Алексей Алексеевич Венедиктов родился 18 декабря 1955 г. в Москве. После школы поступил на вечернее отделение исторического факультета МГПИ, одновременно с этим работал почтальоном. После окончания института в 1978 г. в течение двадцати лет работал школьным учителем. На радиостанции «Эхо Москвы» работал с августа 1990 г. Главный редактор «Эха Москвы» с 1998 по 2022 г. Признан Минюстом России иностранным агентом.

– *Насколько полезен для интервьюера опыт работы школьным учителем?*

– Навыки учителя являются базовыми, чтобы сделать хорошее интервью. Потому что, когда у доски стоит двоечник, а вам нужно поставить ему тройку, вы задаёте ему правильные вопросы.

– *А если стоит задача утопить отличника?*

– Можно задать такие вопросы, на которые никакой отличник не ответит.

– *Остались ли для вас секреты в жанре интервью?*

– Интервью – дело индивидуальное. У Познера, например,

свои умения и навыки, которые едва ли пригодятся Ксении Собчак и уж точно не пригодятся мне. У всякого интервьюера свой набор индивидуальных инструментов. Что касается секретов, то для меня так и осталось неведомым, как беседовать с такими дамами, царицами, как Галина Вишневская, Майя Плисецкая, Елена Образцова. Я брал интервью у каждой из них и каждый раз терпел сокрушительное поражение. Я ничего не понимаю ни в балете, ни в опере, но я благоговею перед этими женщинами, а когда благоговеешь, разговаривать невозможно. В итоге я перестал брать у таких женщин интервью. Я понял, что не умею брать интервью у цариц, и просто не буду больше этого делать, учиться тоже не буду. Да и цариц больше не осталось.

– *Что делать, если собеседник интервьюеру неприятен?*

– Три четверти собеседников неприятны. Что делает хирург, если раненый ему неприятен? Вытаскивает пулю.

– *Но за работой хирурга широкая аудитория не следит. Он не обязан учитывать её интересы...*

– Хирург работает в своих интересах. Он выбрал эту профессию не для пациента, а для себя. Так же, как и я. Я не вижу особой разницы между нами.

– *Как вы готовитесь к интервью?*

– Долго и тщательно. Читаю десять последних интервью гостя. Собираю вопросы аудитории. Изучаю повестку дня. Думаю, как прошибить броню собеседника. Он же наверняка уже дал тысячи интервью, и его обычные ответы – это его

броня. Пишу вопросы на бумаге, которую потом забуду на столе в кабинете. Что остаётся в голове – те вопросы и задаю. Только то имеет значение, что осталось в памяти.

– *Для вас главный показатель качества интервью – его цитируемость?*

– Не обязательно цитируемость. Это могут быть и просто разговоры о нём. Или внутренняя цитируемость, когда о нём говорят в профессиональной среде. Или, скажем, начинают хвалить интервью, которое вышло два, три месяца назад. Это означает, что я что-то такое сделал, о чём люди помнят.

– *Бывает ли так, что подготовленное вами интервью вам самому очень нравится, а публика к нему равнодушна?*

– Конечно. Ничего в этом страшного нет. У меня есть референтная группа, которую я могу спросить, что я не так сделал, это всего несколько человек, чьим мнением я дорожу. Я не обращаю внимание на мнение публики. Отношусь с уважением, разумеется, но это не главный критерий.

– *Готовы ли вы сделать интервью с человеком, который находится за гранью добра и зла?*

– С военным преступником – да. Сегодня он военный преступник, а завтра глава государства, и ты как журналист обязан следить за его «карьерой». А банальный садист и убийца мне не интересен. Что с ним делать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.